

ГЕОРГ ФОРСТЕР В ПЕРИОД ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ 1793 года

Ю. Я. Мошковская

Французская буржуазная революция конца XVIII в. была революцией общеевропейского значения. Она встретила сочувствие и поддержку передовых людей всего света. Париж, столица революционной Франции, стал тогда убежищем и школой для революционеров многих европейских стран.

26 августа 1792 г. Конвент принял во французское гражданство нескольких иностранных ученых, писателей и политических деятелей. В их число входили англичане Пристли, Пэн, Бентам, Уилберфорс, Кларисон, Давид Вильямс, Мэкинтош; итальянец Горани, которого преследовали Габсбурги; голландец Корнелиус Пау; немцы Клоотс, Кампе, Клопшток, Шиллер; швейцарец Песталоцци; американцы Вашингтон, Гамильтон, Мэдисон и Иоэль Барлоу; поляк Костюшко. Три иностранца, Пристли, Клоотс и Пэн, были избраны в Конвент. Иностранцы подданные получили право свободно жить во Франции и передвигаться по всей стране. Они издавали журналы, создавали свои клубы, были членами французских клубов, принимали участие в политической борьбе.

Когда началась война с феодально-абсолютистской, контрреволюционной коалицией, голландцы, бельгийцы и савойцы приняли участие в вооруженной борьбе за свободу и создали свои легионы. В июле 1792 г. стараниями Анахарсиса Клоотса и саксонского медика Зейферта был образован и германский легион, в который входило около тысячи человек. В дальнейшем он стойко сражался с контрреволюцией в Вандее. Революционные демократы, прибывшие во Францию из других стран, окунулись в атмосферу страстной политической борьбы, сблизились с революционным народом, закалились как революционеры. Пребывание во Франции, особенно в период якобинской диктатуры, явилось важнейшим этапом формирования их мировоззрения.

В числе активных участников Французской революции был видный немецкий просветитель Георг Форстер (1754—1794). Молодой Энгельс называл Георга Форстера наряду с Томасом Мюнцером в числе лучших немецких патриотов. Он предлагал прославить этого «немецкого Томаса Пена, который поддерживал французскую революцию в Париже до самого последнего времени»¹.

Георг Форстер был ученым, писателем, профессором естественных наук в Касселе и в Виленском университете, библиотекарем в Майнце, участником второго кругосветного плавания Кука. Он первый в Германии выступил с позиций механистического материализма против идеалистического априоризма Канта и являлся автором прославленной книги «Виды Нижнего Рейна», признанной классическим произведением немецкой литературы XVIII века. Форстер принимал активное участие в создании «Майнской коммуны» (1792—1793 гг.), был членом майнцкого муници-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 17.

палитета, председателем местного демократического клуба, редактором газеты «Neue Mainzer Zeitung oder Der Volksfreund», вице-президентом «Национального конвента свободных немцев» (1793 г.).

По своим взглядам Г. Форстер являлся убежденным просветителем. В годы Французской революции и войны на Рейне он стал борцом за свободу народа. Но незрелость общественных отношений в Германии XVIII в. помешала ему тогда стать подлинным демократом и народным трибуном. Поездка во Францию и личное участие в революционной борьбе французского народа оказали решающее влияние на его переход от либерального просветительства к революционному демократизму.

Большинство произведений Г. Форстера не было издано при его жизни. Лишь в 1843 г. дочери Форстера Терезе совместно с историком Гервинусом удалось издать девятитомное, правда, весьма не полное, собрание его сочинений. Сочинения Г. Форстера и, в частности, его письма оказали глубокое влияние на формирование воззрений передовых мыслителей и общественных деятелей XIX в. не только в самой Германии, но и за ее пределами.

Участники мартовской революции 1848 г. (Яков Вендеи, Молешотт и другие) видели в Форстере своего духовного отца. В феврале 1844 г. в Москве Герцен читал письма Форстера. Он считал, что Форстер является прямым продолжателем Лессинга. «Ясный взгляд и симпатия ко всему человеческому, энергическому раскрыли ему тайну французской революции среди ужасов 93 года, которых он был очевидец»².

Передовые люди германского народа ценят Г. Форстера. В Германской Демократической Республике его произведения издаются и изучаются. На русском языке произведения Г. Форстера до сих пор не изданы. Лишь перевод нескольких наиболее ярких писем Форстера о Французской революции был несколько лет назад помещен в журнале «Интернациональная литература»³.

Литература о Форстере довольно обширна. Но только Ж. Жорес подчеркнул роль Форстера в Майнцской революции. О речи, произнесенной Форстером в Майнцском клубе 15 ноября 1792 г., Жорес писал, что это «политическая речь замечательной силы, может быть, единственная действительно политическая речь, проникнутая вся пониманием реального положения вещей и трепещущая страстью, которая в те времена была произнесена в Германии»⁴. Однако Жорес не осветил последнего периода жизни Форстера — с апреля 1793 г. до его кончины (10 января 1794 г.). Этот период никем из биографов Форстера пока не исследован. Слегка его коснулся французский историк Шюке⁵. Между тем многочисленные немецкие буржуазные биографы Форстера (Хойсер, Пертес, Клейн, Бокенхеймер, Цинке, Лейцман⁶) голословно утверждали, что в Париже Форстер разочаровался в революции, был заброшен своими друзьями и умер как «рenegат». Современный западногерманский историк литературы Бенц, давая высокую оценку литературным трудам Форстера, также полагает, что последний принял участие в революции, «оглу-

² А. И. Герцен. Собрание сочинений и писем под ред. Лемке. Т. III, стр. 308.

³ «Интернациональная литература». 1939, № 5—6, стр. 146—157.

⁴ Ж. Жорес. История великой французской революции. Т. III, вып. II. М.—П. 1923, стр. 125.

⁵ A. Chuquet. Le révolutionnaire Forster «Etudes d'histoire». I-re série. 1903.

⁶ K. G. Bockenheimer. Die Mainzer Klubisten d. J. 1792 u. 1793. Mainz. 1896; L. Häusser. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des Deutschen Bundes. 2. Auflage. Bd. I. Berlin. 1858; K. Klein. Georg Forster in Mainz 1788 bis 1793. Gotha. 1863; A. Leitzmann. Georg Forster. Ein Bild aus dem Geistesleben des 18. Jahrhunderts. Halle. 1893; C. Th. Perthes. Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft. Bde. I—II. Gotha. 1862; P. Zincke. Georg Forster nach seinen Originalbriefen. Bde. I—II. Dortmund. 1915; его же. Georg Forster's Bildnis im Wandel der Zeiten. Reichenberg. 1925.

шенный своей несчастной личной жизнью», и умер в Париже в 1794 г. «несчастный и брошенный»⁷.

Тщательное изучение литературных источников, относящихся к этому периоду, убеждает нас в том, что эти утверждения необоснованны. За отсутствием архивных материалов основными документами для восстановления этой части биографии Форстера могли служить лишь его письма и статьи этого периода⁸, а также донесения Форстера, имеющиеся в «Бумагах» французского посла в Швейцарии Бартеlemi⁹, которые, к сожалению, не привлекли к себе внимания биографов Форстера.

21 марта 1793 г. собравшийся в Майнце «Национальный конвент свободных немцев» принял декреты о независимости области Майнца (от Ландау до Бингена) и о присоединении ее к Франции. При этом депутаты Майнцкого конвента выступали как «представители свободного немецкого народа». 25 марта 1793 г. делегация Майнцкого конвента под руководством Форстера выехала в Париж, где на заседании Конвента Французской Республики должно было обсуждаться это решение Майнцкого национального конвента. 30 марта Конвент заслушал доклад Форстера, выступавшего от имени «германского народа на левом берегу Рейна», и принял предложение о присоединении Майнцской области к Франции. Однако уже 5 апреля началась осада Майнца прусскими войсками, и Форстер оказался в Париже, отрезанным от своей родины.

В столице революционной Франции Форстер внимательно присматривался к окружающей его бурной политической жизни, ожесточенной борьбе классов и партий и старался в ней разобраться. В Майнце он не смог составить себе ясного представления о содержании и размахе борьбы между жирондистами и якобинцами, ибо майнцские клубисты не получали исчерпывающей информации из Франции, отставали от ее политической жизни. Они причисляли себя к жирондистскому большинству Конвента, ошибочно приписывая ему победу 10 августа и освобождение Франции от монархической власти. К началу 1793 г. майнцские клубисты раскололись на тех, кто безоговорочно поддерживал оккупационную жирондистскую власть, и на тех, кто требовал выполнения революционных декретов, уничтожения цехов, утверждения суверенитета народа и т. п. К этим клубистам принадлежал и Форстер.

По приезде в Париж Форстер, знаменитый мореплаватель и ученый, сразу был принят в общество видных французских писателей и ученых, большей частью жирондистов. Ближайшее его окружение составляли иностранцы, давно проживавшие в Париже и по своим политическим взглядам близкие жирондистам. Однако по письмам Форстера, написанным в апреле и мае 1793 г., видно, что, присматриваясь к политической жизни, он пытался составить себе самостоятельное суждение о якобинцах. 13 апреля Форстер писал жене, что его мнение о монтаньярах (то есть якобинцах) расходится с мнением всех его знакомых: «Я вижу, что противники монтаньяров больше занимаются интригами и темными махинациями, что они даже связаны с Дюмурье... Монтаньяры показывают себя с невыгодной стороны, но кажутся мне независимее других, и несомненно в них больше силы и решимости»¹⁰.

Падение жирондистов Форстер переживал тяжело. В решающие дни 31 мая — 2 июня он отвернулся от якобинцев и с возмущением повторял

⁷ R. Benz. Die Zeit der deutschen Klassik (Kultur des 18. Jahrhunderts 1750—1800). Stuttgart. 1953, S. 346.

⁸ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. I—IX. Leipzig. 1843.

⁹ Fr. Barthélemy. Papiers de Fr. Barthélemy, ambassadeur de France en Suisse 1792—1797, publiés par J. Kaulak. Paris. 1886—1889. Vol. 1—4.

¹⁰ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 10.

вслед за теми, кто его окружал, что «Коммуна Парижа имеет неограниченную власть над Национальным конвентом и предписывает ему законы», что «умнейшие головы и, как мне кажется, добродетельнейшие сердца падают под ударами интриганов, которые становятся господами положения во Франции под маской друзей народа». Но вера в революционную энергию народа, которая «преодолевает все трудности, даже если они в десять раз больше», помогла Форстеру отрешиться от этих заблуждений. Он не ушел в лагерь контрреволюции, не оторвался от народных масс. Форстер пришел к убеждению, что революция «яснее всего доказывает зависимость всеобщей судьбы человечества от высшего порядка вещей», что во время революции речь идет не о счастье и морали отдельных людей, а о судьбах миллионов. Он проникался гневом к врагам революции, проявившим эгоизм, корысть и другие низменные чувства. С отвращением писал Форстер о Барнаве: «Барнав в Гренобле. Он предложил декрет о равноправии цветных народов в колониях, а затем способствовал тому, чтобы его не провели в жизнь. Последнее он сделал в угоду своим друзьям Ламетам, у которых огромные владения в Вест-Индии. Это привело к кровопролитию на Сан-Доминго. Но зато Ламеты дали Барнаву любовницу «первого ранга», которая ввела его в круг французского дворянства». И Форстера потом уже не удивляло, что Барнав предстал перед трибуналом. «Ему нельзя простить,— писал Форстер,— потерю и опустошение колоний». Возмущался он также реакционными настроениями некоторых кругов, которые «в начале революции, когда их класс подымался, были яркими патриотами». «А теперь,— писал Форстер,— когда они не могут жить как аристократия богатства, они устраивают заговоры против государства». От всех них надо было очистить страну. «Нужно вскрыть все махинации врагов внутри страны. Это будет стоить жизни многим людям, правда, виновным, но от рака лечит только нож»¹¹.

Уже к концу июня 1793 г. Форстер, много переживший и передумавший за это время, отделился от жирондистов, хоронивших революцию. Он понял, что жирондисты не видят основной линии развития революционного движения и не умеют последовательно бороться с силами старого строя; если бы не якобинцы, то «явно произошла бы контрреволюция в Париже», а с ней неизбежное возвращение к положению до 1789 года. Отношение Форстера к жирондистам еще больше определилось, когда стало известно об их участии в восстаниях в Бордо и Тулоне. Он с возмущением отмечал: «Теперь ясно, что эти дьяволы справа были монархистами»¹².

В самом начале своего вынужденного пребывания в Париже Форстер задумал издавать во Франции немецкую газету. В Париже в это время выходило несколько газет политических эмигрантов. Швейцарцы и савойцы имели свой орган «Correspondance des nations», колония бельгийская и голландская выпускала газету «Batave», с лета 1792 г. стала выходить английская газета «The Magazine of Paris». Немецкая газета издавалась только в Страсбурге с июля 1792 г. Евлогием Шнейдером под названием «Argos, oder der Mann mit hundert Augen». Форстер хотел издавать немецкую газету, насыщенную большим информационным материалом, собранным не только в Париже, но и в провинции и на фронте. Эта газета должна была раскрыть немцам глаза на истинное положение дел во Франции и привлечь их симпатии к революции. В течение всего мая 1793 г. Форстер с нетерпением ждал разрешения на издание газеты. Но после падения жирондистского правительства вопрос о пропаганде за границей был поставлен по-новому, и в связи с этим решено было немецкую газету в Париже пока не издавать.

¹¹ Там же, стр. 10, 30, 34, 101, 103, 130.

¹² Там же, стр. 108.

23 июня Форстер был привлечен Французской Республикой к дипломатической работе. В ожидании отъезда за границу он по заданию министерства перевел на немецкий и английский языки Конституцию 1793 года. Вопрос о командировке Форстера был окончательно разрешен после вступления Робеспьера в Комитет общественного спасения. Следовательно, его кандидатура оказалась приемлемой для нового состава комитета. Форстер признавал республику, стоял за заключение справедливого мира. Он и в дальнейшем разделял внешнеполитическую линию Робеспьера. Так, он считал «очень интересным» доклад Робеспьера в Конвенте 17 ноября по вопросам внешней политики и высказал мнение, что его надо полностью напечатать на немецком языке. «Доклад Робеспьера, — писал он, — если его захотят правильно понять, должен очень обеспокоить коалицию; он должен открыть глаза на наши обстоятельства и опровергнуть многие неправильные взгляды, имеющиеся в широких общественных кругах всех западных стран»¹³.

1 августа Форстер был направлен на северное побережье, в Камбрэ, для переговоров с английской делегацией об обмене военнопленными. Видимо, ему дали более ответственные секретные поручения, о которых он намекал в письме к жене. Можно предположить, что речь шла о поручении позондировать почву о возможных условиях мирного соглашения с англичанами¹⁴. Из его писем мы знаем, что вести переговоры с англичанами ему не пришлось. Важно отметить, что Форстер сомневался в целесообразности ведения дипломатических переговоров с Англией и в заключении соглашения с ней.

Развернувшиеся военные действия вынудили Форстера спешно переехать из Камбрэ в Аррас. Здесь Форстер имел возможность наблюдать, как энергично шла мобилизация в армию, какой патриотический энтузиазм охватил санкюлотов, шедших защищать республику. В самые трудные минуты Форстера не покидала уверенность, что в этой войне поражение потерпит коалиция, ибо «ресурсы великой нации неисчерпаемы и самые большие испытания не могут ее победить». Почти в каждом письме он повторял мысль о том, что революция под руководством якобинцев победит, а державы коалиции будут разбиты. Он предвидел, что в итоге войны произойдет «крушение многих государственных организмов» и освобождение народов от феодального строя. «Мы дольше выдержим, чем они думают и чем они сами могут выдержать. Они тупы и слепы в своем упорстве, и так должно быть. Наш век кончится катаклизмами».

Этой же осенью в Аррасе Форстер много размышлял над революционными событиями в Майнце. Майнская коммуна была побеждена, но Форстер понял, как велико было для немецкого народа значение девятимесячного существования Майнской коммуны, этой первой демократической республики на немецкой земле. В своей «Истории Майнской революции», которую он начал писать в Аррасе и которая, к сожалению, осталась незаконченной, он отметил: «Если мы в политическом отношении выскажем строгое суждение о первых революционных шагах Германии, то существует другая точка зрения, которая с ними примиряет. Первые попытки людей стряхнуть цепи рабства и найти свой самостоятельный путь в жизни, как бы неуклюжи и нескладны они ни были, все же пробуждают в душе человеколюбца такую надежду, которая помогает верить в мудрое направление судьбы человеческого рода и в самый характер закономерности... Свобода, эта высшая цель, к которой стремится человек в моральном и гражданском отношении, не может быть достигнута без ошибок и повторных падений, но разве она не стоит того, чтобы за нее заплатить так и даже еще дороже?»¹⁵.

¹³ Там же, стр. 129.

¹⁴ A. Mathiez. Danton et la paix. Paris. 1919, pp. 154—155.

¹⁵ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 408.

В середине октября Форстер вернулся в Париж и был назначен в распоряжение французского посла в Швейцарии Бартелеми, опытного и осторожного дипломата. Последний охотно пользовался услугами проверенных и преданных революции иностранцев. У него работали англичанин Томас Кристи, майнцские клубисты Дорш, Гофман, Гаупт.

Прусское правительство считало Форстера, как уроженца Пруссии, своим подданным и смотрело на него как на изменника. Прусский генерал обещал 100 дукатов за голову Форстера. В связи с этим, несмотря на существовавшие между Францией и Швейцарией официальные отношения, министерство считало опасным для Форстера пребывание в этой стране: его могли интернировать и выдать прусским властям. Поэтому он был послан только на франко-швейцарскую границу, в Понтарльё, для получения нужной информации.

В архиве Бартелеми сохранились два донесения Форстера из Понтарльё министру Дефоргу. В первом из них, датированном 13 брюмера (3 ноября), Форстер сообщал, что враги распространяют в Швейцарии дискредитирующие французов слухи¹⁶. Он полагал, что в Швейцарии следовало создать свою агентуру, наладить получение информации и вести работу по укреплению связи с населением нейтральных государств. Следующее донесение Форстера из Понтарльё было направлено 27 брюмера (17 ноября). В нем Форстер сообщал факты, характеризовавшие политическую атмосферу в германских государствах. Его попрежнему особенно волновал вопрос об отношении немцев к революционной Франции. «Страны католические, а из протестантских Гессен и Ганновер, теперь особенно враждебно настроены против французской республики. Все же некоторые профессора Геттингенского университета защищают свободу печати, хотя и ограниченную, и выступают против тиранического правительства; а это правительство, трусливое и отвратительное, боится выступить открыто против них, чтобы не навлечь на себя осуждения общественного мнения. Оно ограничивается тем, что подкупает некоторых легистов в Ганновере, которые держат в руках основные литературные газеты в Германии, и в них они трезвонят о нашей, как они выражаются, анархии»¹⁷.

В Понтарльё Форстер виделся со своим майнцским другом, саксонским журналистом Губером, издававшим в нейтральном Нейштателе политический журнал на немецком языке под названием «Friedens-Präludien». В нем печатались документы, отчеты, письма, характеризующие развитие общественной жизни во Франции. В качестве корреспондентов Губер подбирал только людей, безоговорочно принимавших новый строй во Франции и стремившихся к установлению мира в Европе. Форстер считал политически важным правильно информировать немцев о событиях во Франции. Он договорился с Губером, что будет постоянным сотрудником его журнала, и обещал посылать ему «Парижские очерки». С помощью этих «Очерков» Форстер хотел раскрыть немцам смысл Французской революции и рассеять преубеждение против нее, распространное за рубежом даже среди либерально мыслящих людей.

По приезду в Париж 26 ноября 1793 г. Форстер с увлечением стал работать над «Парижскими очерками». Он старался глубже вникнуть в сущность происходивших событий, в значение новых порядков, создававшихся в революционной Франции. Форстер всегда был последователем учения Руссо об общественном договоре — это учение было положено в основу идеи народного суверенитета. Соприкоснувшись с реальной жизнью якобинской Франции и узнав простой французский народ, Форстер понял конкретный, жизненный характер этой и других передовых теорий XVIII века. Перед Форстером вырисовывались два мира: один

¹⁶ Fr. Barthélemy. Указ. соч. Т. III, стр. 188—189.

¹⁷ Там же.

был представлен буржуазно-революционной Францией, другой — феодально-абсолютистской Германией, один — разумный и жизнеспособный, другой — отживающий и неоправданный. «Вопрос о Франции и Германии ясен, — писал он жене, — у нас разум сидит на троне, у вас его хотя бы сбросить. У вас его топчут ногами, у нас разум в почете... иногда, правда, им пренебрегают, и побеждает страсть, но все же под маской разума... Нет, наше дело победит, а если нет, то прекрасно погибнуть с ним»¹⁸.

В статьях, написанных в ноябре — декабре 1793 г., Форстер выступал уже как воинствующий якобинец. В примечании к первой статье он писал: «Автор не настоящий якобинец», то есть не принадлежит к якобинской организации, члены которой связаны дисциплиной и «не могут свободно выбалтывать все, что знают», но это не значит, что он беспартиен, он партиен, и читатели без труда увидят это. «В настоящее время и в настоящих условиях, — заявлял Форстер, — когда требуется принимать решения, беспартийность не существует, не может существовать, она даже недопустима»¹⁹.

Форстер дал обзор предистории и хода Французской революции. Бросая ретроспективный взгляд на узловое событие революции, Форстер стремился показать, что революция со все возрастающей силой направляет свои удары по устоям старого мира, обнаруживает в каждом решающем событии всеобщий разум, реализует требования общественного мнения. Форстер указывает, что основная положительная ценность революции состоит в том, что она в своем движении увлекает массы и делает их активными, творческими: революция по самому существу своему широко демократична. Стремительное развертывание революционного движения пугает, даже отбрасывает со своего пути некоторых ее участников. Однако этот темп неизбежен и закономерен.

«Революция — это революция!» — восклицал Форстер. «Лавя революции течет стремительно и никого не шадит»²⁰, — писал он в письме 24 октября 1793 года. Эту же мысль Форстер развивал затем в «Парижских очерках»: «Революция прорвала все плотины, все преграды, которые ей были поставлены. Сперва она перекатила через узкий круг, который ей благонамеренно пожелал указать Мунье. C'est une tête de bronze, coulé dans un moule anglais»²¹, сказали мы, потому что он упрямо настаивал на подражании английской конституции... некоторые, тоже умеренные, люди шли в своей уступчивости дальше...» Наконец бушующий ураган опрокинул и систему федералистов, «на каждой более высокой ступени общественное мнение убеждалось в ошибке, которая только затемняла горизонт»²². Форстер замечает, что участник революции занимает правильную позицию лишь тогда, когда он не задерживает ее поступательное движение, а действует соответственно этому движению. «Не думаете ли вы, — обращается Форстер к своим читателям, — что лучше бежать за революцией и догнать ее, чем оставаться с известными полумудрецами, которые были впереди революции и привели ее в движение, а затем вдруг остановились и рассердились, что она, как снежная лавина, несетя с ускоренной быстротой и, увеличиваясь в массе, уничтожает на своем пути всякое сопротивление? Недавно выпущенный декрет Национального Конвента о том, что правительство во Франции до заключения мира остается революционным, — это точное выражение общественного мнения, которое требует, чтобы революция катилась вперед, пока не исчерпается ее движущая сила»²³.

¹⁸ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 115—116.

¹⁹ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 306.

²⁰ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 114.

²¹ «Это бронзовая голова, отлитая по английской форме».

²² G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 308.

²³ Там же, стр. 309. Форстер имел здесь в виду декрет 10 октября 1793 г., которым был продлен срок действия решения правительства об усилении централизации власти.

Действия революционной французской демократии, активность народных масс приводили Форстера в восторг. Он доказывал, что принципы республиканской свободы глубоко и повсеместно пустили корни, потому что они просты и доступны для понимания всех. «Во Франции по крайней мере 500 тысяч человек следят за настроениями каждого гражданина и за действиями каждого чиновника. Кто может быть так смел, чтобы в этих условиях поднять свою голову над толпой?»²⁴. «Ваши политики, ваши философы все еще ищут республику и революцию в той или иной голове. Бросьте эту мысль... Спросите любого нашего республиканца, зависит ли судьба его республики от Робеспьера, Дантона, Паша, Эбера или какого-нибудь другого патриота? Он вам ответит, что он не знает имени отдельных людей, когда речь идет о народе и государстве... Свет отдельных людей светит только в массе, где он умножается на 24 миллиона»²⁵.

С этой точки зрения Форстер рассматривал деятельность партии якобинцев. «Если эта партия в данный момент стоит у руля, то разве каждый день не убеждает нас в том, что она действует как слуга, а не как повелитель государства? Дух революции, ею вызванный, требует от якобинцев добродетелей и жертв, о которых некоторые из них, может быть, и не думали, вступая на эту стезю. Они управляют, но они стоят под неусыпным контролем народа, и только священнейшее удовлетворение интересов народа может им дать опору общественного мнения... они теперь должны понимать, что малейшее несправедливое притязание с их стороны может вызвать поток общественного мнения против них, который приурочит им судьбу их противников»²⁶.

Враги революции отождествляли революционный порядок с деспотическим, желая дискредитировать революцию; они обвиняли революцию в насилии, принуждении, тирании. Этим недобросовестным злопыхателям Форстер указал на одну латинскую поговорку: « *Duo dum faciunt idem, pop est idem*», что означает: «Когда двое делают одно и то же, то это не одно и то же». «События при деспотизме могут быть очень похожи на те, которые случаются во время республиканской революции, и они могут носить даже черты бесщедости и жестокости, которые там скрываются под более мягкой личиной, но эти уже потому далеки как небо от земли друг от друга, что они вызываются другими силами и носят другой отпечаток, налагаемый на них общественным мнением. Несправедливость теряет свой характер возмутительного, насильственного, произвольного поступка, если в последней инстанции решает общественное мнение народа, которое придает действию или мероприятию характер закона необходимости»²⁷.

В ответ на упреки, что революционеры позволяют себе резкие выпады против своих врагов, Форстер писал: «Наши выступления вытекают непосредственно из общественного мнения, это голос общественного мнения, а у вас наоборот: вы своими криками хотите вызвать общественное мнение, хотите на него воздействовать»²⁸. Деспотизм и демократия, говорил Форстер, — это две противоположные друг другу системы; при деспотизме народ представляет собой безжизненную массу, мертвое тело, а при демократии он суверенен, и его правящий орган, Национальный конвент, составляет единство народной воли с разумом его представителей. Вот почему, объяснял далее Форстер, Конвент, который руководит в согласии с общественным мнением, так силен и устойчив.

Форстер подчеркивал силу Конвента после якобинского переворота. Теперь он понимал, что представлял собой прежний жирондистский Кон-

²⁴ Там же, стр. 328—329.

²⁵ Там же, стр. 331.

²⁶ Там же, стр. 312.

²⁷ Там же, стр. 311.

²⁸ Там же, стр. 313.

вент и какова была роль Коммуны Парижа во время якобинского переворота. Теперь Форстер правильно оценивал события 31 мая — 2 июня. «Кто не знает, что 31 мая и 2 июня были делом Парижской Коммуны?» Раньше ему казалось, что перед ней исчезнет сила и значение Национального конвента. Но теперь он понимал, что «во время болезни исчезает индивидуальность больного и у его постели особое значение приобретает врач»²⁹. Осенью 1793 г. при якобинской диктатуре Форстер считал Конвент «здоровым», отражающим интересы народных масс; он имел в виду те декреты якобинского Конвента, в которых действительно проявилась воля народа. Форстер писал об исключительно большой роли Парижа в революции. Тем, кто вслед за жирондистами-федералистами возмущался гегемонией Парижа, он объяснял, что весь народ внимает голосу Парижа, что попытки рассорить департаменты с Парижем ни к чему не приведут. Почему? Да потому, что Париж — «высокая школа человеческого знания»³⁰, «это источник общественного мнения, сердце республики и революции... Париж чувствует, мыслит, наслаждается и переваривает за всю страну... полмиллиона, собранные в одном небольшом месте, являются неплохим политическим барометром»³¹.

Однако Форстер ошибочно полагал, что политическая роль Коммуны Парижа кончилась, что она подчинится Конвенту и ограничит свою власть. «Вместо того, чтобы стать страшной сколопендрой на 48 ножках, она будет разрезана на 48 незначительных насекомых, из которых каждое будет жить своей жизнью»³². В этой связи понятно высказывание Форстера в письме от 20 декабря 1793 года. «Кажется, у нас начинают несколько уставать от революционности,— писал Форстер,— во всяком случае, это начинает проявляться у стоящих наверху. Естественно, если будет шторм, то верхушка не сможет долго держаться. Камил Демулен выступил недавно с сочным журналом «Старый кордельер» («Le vieux Cordelier»), направленным против ультрареволюционеров, он пишет свободно и смело о всяких злоупотреблениях»³³. Камил Демулен выступал против левой фракции якобинцев, против Эбера и Шометта. Форстер сочувствовал Демулену, когда тот ополчился против «крайностей» террористического режима и против Парижской Коммуны, узурпирующей, по его мнению, власть Конвента.

Форстер принимал террор как необходимость, как ответ революции на действия врагов изнутри и извне. Еще в Майнце он без колебаний одобрил казнь Людовика XVI, а во время агитационной поездки по окрестностям Майнца в феврале 1793 г. сам арестовал графов Мейнинген-Вестербургов в Грюнштадте за их контрреволюционные действия; в ноябре 1793 г., немедленно по приезде в Париж, он передал революционному трибуналу полученные им от Губера материалы, разоблачавшие генерала Люкнера. В «Парижских очерках» Форстер выступил против кампании, которую развернула реакционная печать феодальных стран об «ужасах 93 года». Он разъяснял своим читателям, что не жестокость характеризует революцию. «Почему не упрекают в жестокости англичан,— восклицал Форстер, — когда в Лондоне еженедельно устанавливаются виселицы, на которых вешают воров, разбойников и убийц!»³⁴. Форстер объяснял, что революционный террор вызван тем, что побеждающая партия может спасти завоевания революции только при условии уничтожения противной партии.

Двойственную позицию занимал Форстер в вопросе об антицерковной политике. С одной стороны, еще до революции он придерживал-

²⁹ Там же, стр. 350.

³⁰ Там же, стр. 306.

³¹ Там же, стр. 346—350.

³² Там же, стр. 350.

³³ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX. S. 140.

³⁴ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 335.

ся атеистических взглядов, с другой стороны, боялся задевать религиозные чувства масс. Форстер считал тактически правильным выступление Робеспьера против дехристианизаторского движения, возглавляемого Шометтом и Анахарсисом Клоотсом. Но в «Парижских очерках» он положительно оценил антицерковную политику Парижской Коммуны. Он отметил, что среди прочих событий «особенно поразительна тихая смерть духовенства и его иерархии во Франции». Декрет о передаче закрытых церквей коммуна под школы и больницы он назвал «чудом 17 ноября», которое «может возродить истинное непритязательное христианство сердца и духа без всяких церемоний и иерархий, без догм, святых и легенд, без мистицизма и нетерпимости, как практическую моральную философию». И тут же Форстер прибавлял: «Безверие и атеизм! — кричат мне. Но я от этого не отказываюсь, так как это явление... неразрывно связано с добром»³⁵.

В зарубежной прессе с самого начала революции появлялись лживые сообщения о катастрофическом продовольственном и финансовом положении Франции. По приезде в Париж Форстер с тревогой присматривался к условиям жизни в стране. Основываясь на мнении компетентных людей и объективных наблюдателей, он все больше убеждался, что страна идет не к катастрофе, а к стабилизации. В письме от 27 ноября 1793 г. он писал: «Сейчас продовольственный вопрос — наша самая большая забота, но мы уже предвидим, что обойдемся тем, что имеем. Идет самая крайняя экономия, роскошь исчезла, и в конце концов нам хватит наших ресурсов»³⁶. В «Парижских очерках» Форстер отмечал, что экономическое положение Франции, в частности Парижа, заметно улучшилось, двор, духовенство и монастыри не поглощают средств государства, ремесленники стали больше зарабатывать, поля возделываются, продукты не уходят в необъятном количестве на стол аристократов и двора, и горожане стали лучше питаться.

Французские эмигранты изображали якобинцев как вандалов, жаждущих разрушений, не почитающих науку и культуру. Форстер выступил против этого обвинения с большой решительностью. Он писал: «Стоило бы остановиться хотя бы кратко на некоторых деталях научных работ Конвента, чтобы убедительно показать, что развитие умственных сил шло в ногу с революцией, хотя теперешнее собрание не может сравниться с Учредительным в отношении ученых и изящных талантов»³⁷. Наука не заглохла при якобинцах, как это утверждали враги революции, а, наоборот, самый успех революционных идей в Париже Форстер объяснял тем, что здесь велась широкая научно-просветительная работа. Он писал о том, как велик был в Париже интерес к политическим и научным знаниям. «Все торговки утром сидят на улице на своих жаровнях с горящими углями и читают газеты. Вечером в народных обществах и на собраниях секций водоносы, сапожники, ломовики выступают с речами по поводу текущих дел и мероприятий. И говорят они с такой ясностью и точностью выражения, которые свидетельствуют о полном освоении ими ведущих принципов и идей»³⁸.

В четвертом очерке, написанном 21 ноября 1793 г., Форстер выступил против аграрного закона. Он считал, что «под предлогом равенства заговорили об аграрном законе, то есть о том, чтобы уничтожить всякую собственность, через уничтожение всяких духовных преимуществ ввести дикое варварство и в результате установить право сильного, с чем мы боремся». Нас не должно удивлять такое отношение Форстера к аграрному закону: ни одна группировка буржуазии не ставила вопроса об отчуждении в пользу крестьян земель, принадлежавших другому обществен-

³⁵ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 129.

³⁶ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 321.

³⁷ Там же, стр. 324.

³⁸ Там же, стр. 349.

ному классу; раздел общинных земель не был разрешен удовлетворительно для малоимущего и безземельного крестьянства. Во многих департаментах крестьяне под лозунгом «аграрного закона» производили раздел общинных земель и захватывали земли из фонда национальных имуществ и земли помещиков. Якобинцы резко выступали против этих действий крестьян. Робеспьер отрицал, будто якобинцы намерены поддержать требование «аграрного закона». Он называл аграрный закон «нелепым пугалом» и измышлением «агентов Питта». Вслед за Робеспьером отмежевался от аграрного закона и Форстер. Имея в виду немецкого читателя, Форстер в своих «Очерках» делал упор на то, что революция не только сметает на своем пути все старое, но и созидает новое и что в ней имеются элементы стабилизации и порядка. Однако Форстер возмущался тем, что путем проведения публичных торгов земли сеньеров попадали в руки крупных спекулянтов, городской буржуазии, отчасти богатых крестьян. Об этом говорится в письме Форстера от 6 сентября 1793 года. Это письмо было написано из Арраса, где летом 1793 г. Форстер имел возможность наблюдать рост эксплуататорских стремлений, лихорадочную спекуляцию новых собственников, их страсть к обогащению. Форстер писал, что при распродаже национальных имуществ земли попадают не крестьянам той деревни, к которой они примыкали и которые могли бы эту землю обрабатывать, а в руки «пришлых людей». «Бездельники и плуты сегодня берут землю, чтобы завтра ее продать, а послезавтра этого покупателя убрать как спекулянта». Эти явления, имевшие место в провинции, Форстер расценивал как «сцены бесконечного бедствия и могилу свободы, которая так многообещающе, казалось, улыбнулась Европе»³⁹.

В этих явлениях Форстер правильно видел рост хищной спекулятивной буржуазии. Но он не знал, как с ней бороться, что ей противопоставить. Правда, в том же письме от 6 сентября Форстер писал: «Да, если бы можно было обеспечить счастье народа через уничтожение торговли (то есть свободной конкуренции.— Ю. М.) и раздробление собственности, тогда нужно было бы хоть сегодня упразднить все товарные склады (купцов.— Ю. М.), а все поместья разделить на крестьянские дворы по 20 моргенов»⁴⁰. Очевидно, Форстер задумывался над решением аграрного вопроса, но не считал возможным нарушить интересы буржуазии.

Форстер рос вместе с революцией. То, что раньше, в Майнце, он считал прогрессивным, впоследствии подвергалось пересмотру. Форстер стоял за свободу индивидуума и за невмешательство государства в экономические отношения. Эти лозунги он защищал еще в сентябре 1793 г. в своей статье «Über die Beziehungen der Staatskunst auf das Glück der Menschheit». Но уже в октябре 1793 г. он стал понимать, что интересы народных масс требуют ограничения этих принципов. И Форстер приветствовал уравнивательные мероприятия якобинской диктатуры, одобрял декреты Конвента о временном закрытии биржи и о запрещении биржевых спекуляций, о принудительном займе, запрещении вывоза за границу продуктов первой необходимости, мобилизации рабочих в мастерские и молодежи в армию. Он отмечал, что эти декреты «отнимали у собственности часть ее воображаемой, преувеличенной ценности»⁴¹.

Форстер выражал готовность идти до конца с революцией и жертвовать всем для ее победы. В письме от 15 ноября он писал: «Я, наконец, верю, что могу всем пожертвовать, все отдать, что у меня требует эпоха, лишь бы моя гуманность при этом была спасена! Чистить себе картофель и его варить? Все можно сделать, если этого хотеть. Разве вы не видите, что санкюлотизм действительно должен стать господствующим в сознании людей? Презрение к деньгам, к богатству, к имуществу — это не за-

³⁹ Там же, S. 328—329; Bd. IX, S. 92—98.

⁴⁰ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 92.

⁴¹ Там же, стр. 125.

висть, не лицемерие; богатый сам заражен этим презрением; богатство, которым он не может больше наслаждаться, уже почти не богатство, оно обесценено. Роскошь и широкий образ жизни бесчестят людей. Ну что ж, если это так, то к черту деньги! должен сказать каждый богач, в котором сохранилось немного разума. Я должен есть, жить и одеваться как санкюлот; все, что сверх того, мертво и ненужно. Пусть они все возьмут, да, я хочу все отдать, и за это я получу честь и доброе имя, а это стоит больше в наше время, чем мертвые вещи»⁴².

Форстер разделял иллюзии своего времени, когда выражал надежду, что скоро «нация в целом будет владеть всем богатством Франции, и тогда будет реализована лакедемонская республика, как семья из 40 миллионов, конечно, иначе, чем это обычно понимают, но только с некоторыми видоизменениями»⁴³.

Форстер видел, что финансовые и экономические мероприятия якобинского Конвента спланировали народ революционной Франции в борьбе против его многочисленных врагов. «Воюющие с нами державы, — писал Форстер жене, — не понимали, что мероприятия, которыми они хотели нанести наибольший вред, только помогли осуществить эту моральную эмансипацию. Потеря нашей внешней торговли, отсутствие подвоза продовольствия неизбежно привели к таксе на хлеб и товары, к строгому наказанию тех, кто обходил эти законы, а отсюда — низкая оценка мертвого, ненужного и даже опасного богатства, с одной стороны, а с другой стороны — умеренность, точное ведение хозяйства и ограничения всякого рода. Простота нравов, исчезновение роскоши, даже серебряных ложек за столом, скромная одежда, восторженная любовь к равенству, при которой всякий, кто выделяется, становится подозрительным — все это... вызвало полное равнодушие к деньгам и собственности всякого рода... сделало людей независимее от внешних вещей, и этого за границей не могут себе представить»⁴⁴.

Людам, круг интересов которых замыкался понятиями «иметь», «приобретать», «обладать», «наслаждаться», Форстер противопоставлял новых людей, воспитанных революционным энтузиазмом, которые жертвуют собой, отличаются глубиной мысли, чувств, независимостью духа. «Я подхожу к последнему и самому сильному действию революции и присущей ей силе общественного мнения. Она убила жадность, корысть, стремление к наживе, одним словом, худший вид рабства, до которого мог опуститься человек в своей зависимости от мертвых вещей»⁴⁵. Форстер ошибался: французская буржуазная революция не убила в людях эти качества. В результате ее победы утвердился капиталистический строй, при котором жадность, стремление к наживе приняли еще большие размеры.

Следует отметить литературные влияния, которые испытал на себе Форстер в якобинской Франции в бурный 1793 год. Из его писем мы знаем, что летом этого года он читал только что вышедшую книгу Вильяма Годвина «Исследование, касающееся политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье». Тем же летом на него произвела большое впечатление немецкая социалистическая утопия «О человеке и его условиях жизни», он знаком был также с выступлениями аббата Фосе на собраниях «Cercle social»⁴⁶. Не случайно и то, что осенью 1793 г. Форстер взял с собой в Аррас Мабли⁴⁷, идеи которого были популярны среди членов Конвента и полное собрание сочинений которого вышло в том же году.

⁴² G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 322.

⁴³ Там же, стр. 125.

⁴⁴ Там же, стр. 322—323.

⁴⁵ Там же, стр. 320—322.

⁴⁶ См. Ю. Я. Мошковская. Мирозрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера. Сборник «Из истории социально-политических идей». М. 1955, стр. 363—364.

⁴⁷ G. Forster. Sämtliche Schriften. Bd. IX, S. 96.

Публицистическая деятельность Форстера неожиданно оборвалась в декабре 1793 года. Он заболел воспалением легких, осложненным тяжелыми приступами подагры. Но и в период болезни Форстер не переставал думать о революции и с волнением следил за военными событиями. 14 декабря он писал: «Если бы у нас был Тулон! Конечно, Тулон мы обязательно возьмем, но наши верфи, наш флот, наша армия!»⁴⁸. В письме от 27 декабря, жалуясь на нестерпимые физические мучения, он сообщал в то же время радостные вести: «Тулон наш, и Средиземное море открыто для нас — важнейший пункт. В английском парламенте Питту предстоит трудная роль». Праздник победы республики в ознаменование освобождения Тулона был его последней радостью. В последнем письме от 4 января 1794 г. он писал: «У нас повсюду огромные победы... Хотел бы знать, что скажет общественное мнение по ту сторону Рейна, когда узнает правду...»⁴⁹.

Во время своей болезни Форстер не был одинок и заброшен, как об этом писали впоследствии его реакционные биографы. Возле него всегда были его друзья — вся майнцская колония, а также польские эмигранты, которые особенно трогательно относились к нему. Многие из них были знакомы с Форстером у себя на родине и уважали его как ученого и демократа, сочувствовавшего освободительному движению в Польше. С первых же дней приезда Форстера в Париж польская колония включила его в свой круг, и до последнего дня своей жизни Форстер пользовался исключительным вниманием и нежной любовью своих польских товарищей. В письмах к жене он упоминал имена Сулковского, Нагорского, княгини Любомирской, Малешевского. Особенно близок был он с Петром Малешевским, которого знал еще в Вильнюсе. В одном из своих последних писем к жене Форстер писал: «Малешевский прислал мне молодого поляка, который дежурит при мне ночью и с большой сердечностью ухаживает за мной». На руках у Малешевского Форстер и умер. Посещали его и французские друзья. Форстера лечили три врача, самые знаменитые в Париже. Он сам в письме жене от 27 декабря 1793 г. упоминал, что «помощи, друзей, посещений, всякого рода предложений своих услуг было много у меня. Мерлен тоже меня посетил».

Георг Форстер умер 10 января 1794 года⁵⁰. Смерть Форстера произвела тяжелое впечатление не только на его многочисленных друзей, но и на широкие политические круги Парижа, которые знали и ценили его. Было намерение через Конвент обеспечить его детей⁵¹; в официальном органе якобинского правительства, газете «*Moniteur*», 18 января 1794 г. появился необычный для этой газеты большой некролог от редакции, написанный самим редактором Шарлем Панкуком, в котором сообщалась биография Форстера, говорилось о его научных и революционных заслугах, о необходимости издать на французском языке его труды. «Его патриотизм, его таланты, его добродетели были одинаково дороги как революции, так и литературе и дружбе», — писали в «*Moniteur*».

Георг Форстер был проникнут передовыми идеями своего времени и беззаветно служил своему народу. Преодолев абстрактный гуманистический морализм передовой немецкой буржуазии XVIII в., он стал революционным политиком и если не организационно, то идейно якобинцем 1793 года. Решающую роль в формировании его демократических и революционных убеждений сыграла буржуазная революция во Франции конца XVIII века.

⁴⁸ Там же, стр. 138.

⁴⁹ Там же, стр. 146, 148.

⁵⁰ Согласно свидетельству о смерти Форстера, выданному Парижским муниципалитетом и перепечатанному в однотомнике избранных произведений Форстера, «*Forster. Ein Lesebuch für unsere Zeit von G. Steiner und M. Häckel*», Weimar. 1952 S. 498.

⁵¹ Caroline. Briefe aus der Frühromantik, Leipzig. 1913, S. 328.